

Новый глава правительства

Когда 22 января 1955 года на заседании Президиума ЦК начали разговор о новом председателе Совета Министров, сидевший во главе стола отец первым взял слово, предложил Булганина и добавил: «Мою фамилию прошу не называть». Видимо, перед заседанием, в кулуарах, такую возможность рассматривали, и всерьез, но он воспротивился. После смерти Сталина они решили разделить посты главы правительства и главы партии и тем самым воспрепятствовать сосредоточению слишком большой власти в одних руках. Отец считал решение правильным, да и с ежедневной рутиной, сидя на двух стульях, одному не справиться.

И тем не менее, высказывавшийся по традиции первым после председательствующего Молотов упрямо произнес: «За кандидатуру Хрущева».

В последние годы жизни Сталин ставил себя, Председателя Советского Правительства, выше себя же – Генерального Секретаря ЦК Коммунистической партии. Но какой половине своей ипостаси в данный момент отдать предпочтение, касалось только лично его.

Молотов, человек по-своему принципиальный, считал, что раз Хрущев де-факто лидирует в руководстве, то и де-юре следует «по-сталински» сосредоточить в его руках всю полноту власти. Отец недовольно поморщился.

– Мою фамилию не называйте, – снова повторил он и перевел взгляд на Кагановича.

– За кандидатуру Булганина, – быстро сориентировался Лазарь Моисеевич, хотя еще менее часа назад он солидаризировался с Молотовым. Но тогда ему казалось, что, отказываясь, отец играет, так же, как любил играть Сталин, неоднократно предлагая свою отставку. Поняв, что ошибся, Каганович тут же сменил ориентацию.

А вот Ворошилов, как и Молотов, придерживавшийся традиционной постмонархической идеи сосредоточения всей полноты власти в одних руках, заколебался, но все же невнятно произнес: «Был бы за Булганина, но придется за Хрущева». Никто не понял, что же он хотел сказать, но и не старался понять, в Президиуме ЦК Ворошилова все уже давно, включая его самого, всерьез не воспринимали.

Дальше дело пошло гладко. Молотов остался в одиночестве, все высказались за Булганина. Однако Вячеслав Михайлович не сдался, в конце заседания еще раз попросил высказаться и слово в слово повторил свои доводы. Отец поставил на голосование кандидатуру Булганина и первым поднял руку «за». Остальные члены Президиума ЦК последовали его примеру. Все, кроме Молотова. Молотов воздержался.

Отец и Булганин стали неразлучной парой, Хрущев – ведущий, Булганин – ведомый. 1955 год, в отличие от предшествующего десятилетия, изобиловал государственными визитами, «нашими» туда и «тех» оттуда. В 1955 году в Москву приезжали австрийский канцлер Юлиус Рааб, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, премьер-министры Индии Джавахарлал Неру и ГДР – Отто Гротеволь, президент Финляндии Ю. К. Паасикиви. Отец вместе с Булганиным съездили в Югославию, затем на совещание четырех держав в Женеву, где познакомились с президентом США Эйзенхауэром, премьер-министром Великобритании Энтони Иденом и председателем правительства Франции Эдгаром Фором. В конце 1955 года они совершили, триумфальный, без всякой натяжки, визит в Индию, Бирму и Афганистан. С королем Афганистана Мухаммедом Захир Шахом у отца тогда сложились по-настоящему дружеские отношения.

Практически все международные инициативы исходили от отца, он диктовал послания руководителям зарубежных стран, но подписывал их, по занимаемой должности Председателя Правительства, Булганин. Отец задавал тон на переговорах, но главой делегации числился Булганин. Отец не хотел и не мог упускать инициативу, но формально он не занимал никакого практически значимого государственного поста, позволявшего бы ему в одиночку заниматься иностранными делами. Так они и путешествовали по миру на пару, Булганину отводились протокольные функции, в переговорах верховодил отец. Безынициативный от природы Булганин с готовностью уступил пальму первенства отцу. Сложившийся дуэт его устраивал. По крайней мере, пока устраивал.